

Константин ФРУМКИН

ГОСУДАРСТВО БУДУЩЕГО

Можно ли в XXI веке говорить о завершении той эпохи, которую социальные философы называют «Модерном»? Разумеется, вопрос этот не имеет единственного правильного решения, модерн и его границы во времени определяют по-разному — иногда отождествляя с Новым временем, иногда беря этот термин в более узком значении, любые границы и периодизации всегда условны, и к тому же разные фазы развития проходят не синхронно в разных странах и регионах. И все же это понятие позволяет выделить некоторые характерные механизмы общественного развития, которые становятся доминирующими в определенное время и затем утрачивают свою гегемонию.

Государство модерна

В экономике модерн — это прежде всего индустриализация, но в наиболее передовых странах она уже завершилась переходом к постиндустриальной экономике — когда роль промышленности в ВВП уменьшается, а на ее место приходит сфера сервиса и обработки информации, что, кстати, означает замедление темпов экономического роста. В искусстве и литературе известно противопоставление модернизма и постмодернизма. В демографии модерн прежде всего связывают с взрывным ростом населения, объясняющимся тем, что силы цивилизации уменьшают смертность на фоне пока еще высокой рождаемости. Однако далее начинается вторая фаза демографического перехода, когда рождаемость уменьшается, а с ней и темпы увеличения численности населения. В идеологии для модерна характерны «большие нарративы», крупные разработанные идеологии — такие, как марксизм, и при этом — влиятельные и часто массовые политические партии, выстроенные вокруг подобных идеологий, — идеологии становятся даже синонимом партийности. В наше время на фоне упадка идеологий утратили идеологическую однозначность и партийные программы.

Но что же происходит с государством?

Для модерна считается характерным нация-государство, суверенное национальное государство, территориально локализованное, построенное на идентичности и сплоченности своего населения, обладающее монополией на насилие на своей территории и осуществляющее многофункциональное регулирование с помощью мощного бюрократического аппарата. Единственным значимым отклонением от этой модели в наше время является Европейский союз, создавший полноценную надгосударственную надстройку над целым рядом национальных государств. На всей остальной территории

Константин Григорьевич Фрумкин — российский журналист, философ, культуролог. Автор книг и статей философской и культурологической тематики, в том числе на темы философии сознания, теории фантастики, теории и истории драмы, а также социальной футурологии. Один из инициаторов создания и координатор Ассоциации футурологов.

планеты более или менее господствует модель «национального государства модерна», хотя многие функции правительств этих государств все больше передаются различным международным организациям, таким, как ВТО.

В каком же направлении могут развиваться государства модерна и их политические системы?

Сегодня на наших глазах разворачиваются, по меньшей мере, два глобальных тренда, которые могут изменить облик современной государственности. Прежде всего это кризис национального государства, в результате которого мы на повестке дня можем ставить вопрос о появлении правительств и политических единиц иных типов, прежде всего мирового правительства, иных наднациональных властей, городов-государств и, наконец, экстерриториальных государств.

Второй тренд связан с изменением существующих политических систем (прежде всего демократических) под влиянием развития информационных технологий. Впрочем, последние влияют сегодня на все, включая и территориальный принцип государственности.

Кризис национального государства

Уже несколько десятилетий существует довольно обширная философско-политическая литература, доказывающая, что в условиях глобализации национальное государство не является эффективным и адекватным¹. Иногда среди сторонников теории устаревания национального государства выделяют «либеральных интернационалистов», прямо призывающих к созданию мирового органа управления². Аргументы сторонников этой теории базируются прежде всего на том, что локальное государство не соответствует глобальному характеру экономики и, с одной стороны, не может выработать релевантные этой экономике способы регулирования, тем самым замедляя ее развитие, а с другой стороны, не способно такую экономику контролировать — слишком много важного происходит за пределами юрисдикции любого государства. Достаточно общим местом в современной политической литературе стало то, что в мире происходит постепенная утрата власти территориальными правительствами в связи с тем, что все больше значимых процессов имеют глобальный характер. Юрген Хабермас обозначил это явление как «бессилие посредством глобализации»³. В политической литературе уже довольно успешно используется термин «десуверенизация», и, как выразился Л. Е. Гринин, «начиная с послевоенного времени, все больше государств добровольно и сознательно идет на ограничение своих суверенных прав», причем, по мнению автора, наибольшим суверенитетом в наше время обладают страны идеологически и экономически закрытые⁴.

Кроме того, национальное государство не соответствует масштабам стоящих перед человечеством глобальных проблем, таких, как проблемы климата и экологии.

Отдельную проблему представляет собой тема идентичности нации в условиях роста миграции и смешения населения — Петр Щедровицкий выдвинул концепцию «постнационального государства», которое может быть выращено «в инкубаторе империй

¹ См.: Мариносян Х. Э. Национальное государство: настоящее и будущее // Философские науки, 2011, № 5, с. 5—9.

² См.: Кочетков А. П. Национальное государство в условиях глобализации // Общественные науки и современность, 2014, № 4.

³ Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос, 2003, № 4—5, с. 124—125.

⁴ Гринин Л. Е. Государство в прошлом и будущем // Вестник Российской академии наук, 2009, № 9, с. 836

нового поколения» — таких, как США, причем «космополитическое государство сегодня исторически более эффективно, чем национальное»⁵.

Успешное развитие наднациональных институтов, международных организаций, экономических и политических союзов разных стран добавляет аргументов концепции устаревания «государства модерна».

Немаловажным является и тот факт, что государство по своему определению — прежде всего монопольный обладатель средств насилия на определенной территории, и его генезис, и его легитимность во многом связаны со способностью к насилию — однако все меньше вопросов государственного управления может сегодня решаться с помощью грубой силы — во всяком случае, военной силы. Среди множества задач, стоящих перед современным правительством, все меньше таких, которые требуют посылать куда-либо кавалерию и артиллерию. На это, в частности, обращает внимание Мартин ван Кревельд, который, рассуждая об упадке современного государства, отмечает, что военные возможности современных государств, численность армий, способность правительств вести длительную и масштабную войну и их моральная готовность вступать в войну резко сокращаются⁶. Между тем государство, которое располагает полицией, но не может вести военные действия, больше похоже не на суверенное государство, а на провинцию децентрализованной империи или на штат некой федерации.

Образцом для построения наднациональных федераций является Евросоюз, и, например, американский экономист и эколог Джереми Рифкин считает, что о глобализации говорить пока рано, а перспективной идеей является континентализация — создание континентальных политических и экономических союзов стран наподобие ЕС⁷. Однако опыт ЕС остается пока уникальным, и неясно, в какой степени он может быть транслируем на другие регионы — в частности, потому, что у Европы имеется достаточно уникальный опыт создания наднациональных империй. Идея общеевропейской империи, идея континентального политического единства не является для Европы новацией — еще в 1915 году русский историк Михаил Ростовцев в своей брошюре «Мировое или национальное государство» писал, что вопрос о выборе между национальным и мировым государством вставал пред Европой и во времена Карла Великого, и во времена Карла V, и при Наполеоне⁸.

Чем могут быть интересны для сегодняшнего дня опыты феодальных империй — так это тем, что в них «правительства» представляли собой сложную многоступенчатую иерархию, и с учетом городов и церкви — иерархию не всегда линейную, а суверенитет и полномочия могли довольно сложным образом распределяться между уровнями этой иерархии. Мартин ван Кревельд прогнозирует, что в будущем правительства будут более фрагментированными, интегрированы с друг у другом, они будут образовывать иерархию и, возможно, даже в некоторых случаях делить власть на одной и той же территории⁹ — в этом прогнозе явно видны определенные черты политической системы европейского феодализма, хотя, конечно, на совсем иной основе.

Город-государство

Среди политических примет феодальной Европы, которые могли бы стать актуальными и сегодня, выделим феномен вольного города — второе пришествие идеи воль-

⁵ Щедровицкий П. Государство в эпоху гуманитарных технологий — http://old.russ.ru/politics/meta/20000721_sch.html.

⁶ Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006, с. 435—462.

⁷ Рифкин Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М.: Альпина нон-фикшн, 2014, с. 228—272.

⁸ Ростовцев М. И. Национальное и мировое государство. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1915, с. 3.

⁹ Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства, с. 513—514.

ных городов, в частности, присутствует в обсуждении политологами и политическими географами идеи глобальных городов, становящихся неуправляемыми со стороны государств.

Идея города-государства связана с важным вопросом о том, какие вообще существуют рациональные основания для того, что политическая власть некоего правительства осуществляется именно на данной, а не на иной территории. Территории современных государств сложились исторически, то есть в результате серии нагромождавшихся друг на друга случайностей. При этом важно то, что хотя границы юрисдикций современных властей определяются и территориально, но сами власти концептуально считаются органами не территорий, но проживающих на этих территориях человеческих сообществ. Между тем различного рода мобильности уже начинают подрывать — и, вероятно, будут подрывать в будущем — привязку сообществ к территориям. Миграционные потоки уже сегодня приводят к тому, что практически любое государство имеет дело с ситуацией, когда часть его граждан живет за рубежом, а на его территории живет некоторое количество иностранцев.

Если попытаться мысленно экстраполировать эту ситуацию до предела, то мы можем представить себе мир высокой мобильности, населенный в основном кочевым, часто меняющим место жительства населением, причем меняющим его в масштабах целой планеты. В этом мире взаимоотношения между правительством территории и гражданином начинают напоминать отношения между постояльцами и администрацией отеля. Государства отвечают за состояние инфраструктуры и благополучие на своей территории, при этом государства соперничают за жителей-постояльцев, которым очень просто сменить место проживания, если порядки в данной стране ей не нравятся.

В этих условиях становится не совсем ясно, а каковы будут права жителей страны по выборам ее правительства — могут ли постояльцы выбирать дирекцию отеля? Главный аргумент «против» заключается именно в том, что постоялец гостиницы живет в ней временно и не может быть кровно заинтересован в том, чтобы «отель» стратегически развивался.

Можно предположить, что важным политическим вопросом будущего становится ценз оседлости для избирателя и также политические конфликты между постоянным (относительно постоянным) населением этой территории и большим количеством кочевников, проживающих на ней временно, — в прошлом аналогичные конфликты существовали между оседлыми жителями и бродягами. Возможно, политические и избирательные права на данной территории могут определяться не только временем проживания, но и сферой занятости: то есть более патриотичной, более тесно связанной с территорией категорией населения будут являться те, кто связан с местным хозяйством, местной инфраструктурой, с обслуживанием и снабжением живущих здесь жителей, а не с работой на заграничные рынки — то есть скорее работники отеля, чем постояльцы.

Можно также вообразить, что так же, как Древнем Риме, у патрициев и плебеев — то есть у граждан с разным сроком пребывания их предков в Риме — были разные системы представительства (у плебеев — трибуны), в мире с высокой долей кочевого населения система территориальных властей будет включать в себя особую подсистему представительства и защиты прав именно для временных жителей.

Впрочем, если и оставить в стороне тему миграции, есть и другие типы мобильности — например, культурно-информационной, подрывающей границы местного сообщества. Национальное государство строится на понятии нации, связанном с культурно-языковым единством. Данное единство подрывается в результате двух противоположных процессов.

С одной стороны, на многих территориях мира растет культурное и языковое многообразие — поскольку население перемешивается, то растет значение международных языков и культурных заимствований.

С другой стороны, мы видим рост унификации культуры в широком диапазоне — от унификации кухни до унификации правовых и деловых обычаев.

При этом унификация бывает также различная — если с одной стороны мы видим экспансию мощных культурных образцов, перестраивающих культурные пространства во всех странах, — к таким образцам относятся, например, английский язык, голливудский кинематограф, «Макдональдс», банковские карточки международных платежных систем, международные отельные сети. Но есть и другой тип унификации — когда перемешивание многих культур порождает сходный культурный микс в разных частях мира, например, когда во многих мегаполисах планеты обязательно должны присутствовать и рестораны китайской кухни, и рестораны индийской кухни, и цыганские таборы, и тайские массажные салоны, и кружки по изучению йоги и буддизма, и храмы самых разных религий разного происхождения. Культура (включая право) одновременно и унифицируется, и микшируется.

Сюда также надо добавить, что чем большие успехи будет делать компьютерный перевод с языка на язык, тем меньшее значение будет играть язык как фактор, изолирующий государства и нации друг от друга, привязывающий индивида к определенной территории и повышающий издержки смены гражданства. Если предположить, что развитие информационных технологий сделает перевод предельно простым делом, то язык и, в частности, недостаточное владение иностранным языком перестает быть фактором, удерживающим человека на данной территории, и одновременно уменьшается значение языка как фактора идентичности.

В этой связи важнейшей рациональной привязкой власти к территории становится функция управления инфраструктурой (в широком смысле — включая в понятие инфраструктуры полицию и здравоохранение). Но это означает, что рациональными основаниями для проведения территориальных границ у политических единиц становятся границы инфраструктурных комплексов, а наиболее понятным и естественным единым инфраструктурным комплексом является город.

В мире, в котором значительная часть населения является кочующей и не имеет привязки к определенной территории с точки зрения идентичности, в мире, где этничность подорвана, а культура в сильной степени подвержена процессам унификации и микширования, город-государство кажется самым естественным модусом для территориальной власти.

Экстерриториальное государство

Если задаться вопросом о том, в каком пункте дух современных информационных технологий в наибольшей степени контрастирует с духом традиционной государственности, то, наверное, прежде всего это вопрос о территориальной локальности. Главное, что могут современные коммуникации, — устанавливать мгновенную связь практически на любом расстоянии в пределах нашей планеты. Разумеется, решения множества общественных вопросов требует не только коммуникации, но и физического взаимодействия — но все-таки не всех вопросов. Внутри сферы политики и правительственного администрирования огромный пласт функций сводится именно к передаче и обработке информации. Все финансовые операции, включая назначение пенсий и пособий, нотариат и запись актов гражданского состояния, регистрация сделок и прав собственности, выборы и политическая пропаганда, — эти и многие другие вопросы являются вопросами коммуникационными, а значит, сегодня существуют технические возможности решать эти проблемы без территориальной привязки.

В основе современной государственности находится представление о населении данной территории как политическом сообществе, связанном с определенным правительством, в идеале — избирающем это правительство. Но рост безопасности, разви-

тие информационных технологий и вообще рост экстерриториальности различных общественных процессов может поставить перед нами вопрос о формировании экстерриториальных политических сообществ.

В некотором пределе, в фантазии можно представить себе экстерриториальное суверенное государство, не обладающее собственной территорией, но обладающее населением, которое живет в разных местах на планете, но зарегистрировано в качестве граждан данного государства, платит ему налоги или взносы и пользуется определенными сервисами.

Впрочем, до «экстерриториального суверенного государства» в полном смысле слова человечество может и не дойти, и прежде всего потому, что сама категория суверенитета начинает резко трансформироваться. Однако мы можем представить формирование некоторых экстерриториальных политических сообществ, может быть, «экстерриториальных общин». Некоторые эмбриональные формы этого мы видим уже и сегодня, и, может быть, древнейшая из них — это католические монашеские ордена. Еще важнее то, что ряд функций государства уже сегодня на нерегулярной основе могут быть переданы экстерриториальным структурам. Так, коммерческие, ведомственные, корпоративные и отраслевые пенсионные системы не имеют территориальной привязки, хотя обычно и не выходят за пределы одного государства. Международные коммерческие (третейские) суды являются прекрасным примером экстерриториальных судебных органов, куда может обратиться любой желающий. Системы регистрации патентов сегодня являются национальными, но очевидно существование потребности сделать их международными — поскольку их клиентами все чаще являются иностранцы. В условиях исправно действующей системы дистанционной идентификации пользователя и электронной подписи экстерриториальным может стать любой сервис, связанный с регистрацией чего-либо, будь это регистрация брака или прав.

Кроме того, экстерриториальными могут быть любые операции, связанные с перераспределением финансовых средств. Например, чтобы система социального страхования была экстерриториальной, нужно только, чтобы в нее входило достаточное количество участников. То, как на экстерриториальной основе могут работать судебные органы, вполне демонстрируют третейские суды. Криптовалюты показывают, что у экстерриториального государства в принципе могут быть своя валюта и денежная политика.

Культурная и образовательная политика в рамках экстерриториального государства в принципе тоже возможна, для этого достаточно иметь нужных объемов денежные средства, особенно если сами культурные и образовательные проекты, финансируемые из бюджета сообщества, имеют сетевой, виртуальный характер. Впрочем, какой-либо культурный проект, например фестиваль, может стать поводом для съезда граждан сообщества — чтобы они наконец встретились в одном физическом пространстве.

Труднее всего представить, как экстерриториальному сообществу будут передаваться функции безопасности. Поскольку у сообщества нет территории, ему и нечего защищать, однако теоретически можно представить, что «государство без территории» участвует в каких-то военных операциях в составе коалиции, или с помощью механизмов финансирования, или даже выставляя своих вооруженных граждан — наверное, как добровольцев или на иных началах.

Трудно представить, как могут на экстерриториальных началах осуществляться полицейские и уголовно-судебные функции, но, говоря широко, экстерриториальное сообщество может защищать нарушенные права своих членов с помощью аутсорсинговых структур — через юристов, детективные агентства и даже частные военные компании.

В принципе юрист, защищающий права членов экстерриториального политического сообщества, должен выполнять функции, аналогичные функциям консулов в со-

временной дипломатической службе. Можно также себе представить себе договор между экстерриториальным государством и территориальной политической единицей, в соответствии с которым территориальные структуры исполняют решения судов экстерриториального государства, проводят аресты по их указаниям и содержат заключенных в своих тюрьмах. Впрочем, опыт ЦРУ, например тюрьмы Гуантанамо, а также опыт международных трибуналов показывает, что теоретически возможна тюрьма одного государства на территории другого.

Главнейшее последствие и, может быть, важнейший эффект существования экстерриториальных сообществ должны заключаться в обострении конкуренции политических и административных систем за граждан. Такая конкуренция существует уже сегодня, поскольку есть эмиграция и люди меняют гражданство. Но территориальный переезд в другую страну сопряжен с большим количеством издержек. Смена экстерриториального государства, вероятно, будет не сложнее, чем смена банка в условиях дистанционного обслуживания. Таким образом, конкуренция за граждан станет дополнительным фактором повышения качества административно-политических систем.

Отчасти идея выбора экстерриториального сообщества напоминает идею выбора виртуальных зон, в которых действуют разные правила, выдвинутую Дэвидом Джонсоном и Дэвидом Постом¹⁰. Если в физическом мире человек обычно довольно прочно привязан к территории, на которой действует определенное законодательство, то в виртуальном пространстве менять зоны с разными правилами крайне легко, что несомненно способствует тому, что между законодательствами возникает конкуренция, а значит, и дарвиновский отбор: «В киберпространстве любой пользователь обладает более доступной возможностью выхода, перемещаясь от одного набора правил виртуальной среды к другому, обеспечивая тем самым более приемлемый механизм отбора, благодаря которому различные наборы правил будут со временем эволюционировать»¹¹.

Сходная идея содержится в книге Чандрана Кукатаса «Либеральный архипелаг», где говорится, что в действительно либеральном обществе должны иметься сообщества с разными нравами, культурами и законодательствами — разумеется, при условии, что любой гражданин имеет право выйти из своего сообщества и войти в другое¹².

В конечном итоге обе эти идеи ведут к принципу экстерриториального политического сообщества. Если говорить о виртуальных зонах с различными правилами, о которых пишут Джонсон и Пост, то они будут иметь значение только при условии, что и сами правила касаются существенных вопросов, а значит, вопросов, которые сегодня так или иначе являются предметом государственного управления.

Что касается тех сообществ, о которых пишет Кукатас, им совсем необязательно существовать в границах одного государства, а если члены такого сообщества будут разбросаны по достаточно большим территориям, то, разумеется, им придется пользоваться для поддержания связи продвинутыми информационными технологиями — так что речь идет тоже об экстерриториальных квазигосударствах.

Стоит заметить, что куда более вероятным, чем формирование полноценного экстерриториального государства, кажется возникновение множества сообществ, объединенных вокруг какой-то одной из административной или финансовой функции — например, социального страхования или защиты прав. Эти сообщества даже нельзя будет называть политическими, и с государством нашего времени их будет связывать только то, что функции, которые они берут на себя, в прошлом были функциями государственных институтов. Однако нельзя отрицать и возможность формирования многофункциональных политических сообществ с атрибутами государств, включая герб, гимн,

¹⁰ Джонсон Д.-Р., Пост Д.-Д. Право и границы: истоки права в киберпространстве. В кн: Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005, с. 233–238.

¹¹ Там же, с. 237.

¹² Кукатас Ч. Либеральный архипелаг: Теория разнообразия и свободы. М.: Мысль, 2011.

собственную валюту и даже символические вооруженные силы или, во всяком случае, готовность участвовать в силовых акциях тем или другим способом.

Так же, как экстерриториальные государства, вполне возможны экстерриториальные, международные сетевые политические партии, чьи члены, возможно, никогда не встречаются друг с другом физически — или, во всяком случае, такие встречи не являются обязательными. Овладение возможностями информационных технологий в политической сфере уже сегодня привело к появлению политических партий нового типа, которые политологи называют сетевыми или «медиакоммуникационными» партиями», а также «киберпартиями»¹³. Эти организации не нуждаются в активном членстве или во всяком случае, не рассматривают массовое членство как значимый ресурс, поскольку их руководство может общаться с миллионами избирателей напрямую, используя возможности коммуникационных технологий, в частности интернет-продвижения; профессиональный коммуникационный менеджмент составляет костяк руководства подобной партии, хотя бывали случаи, когда это руководство сводилось фактически к одной популярной медиаперсоне с раскрученным интернет-ресурсом. Как замечает по поводу партий этого типа политолог Леонид Сморгунов, главным показателем значимости подобной партии является посещаемость ее сайта¹⁴ — но, разумеется, речь должна идти не только о сайте, но о всех видах современных коммуникаций. Дальнейшее развитие идеи киберпартии может заключаться в том, что такие партии приобретут международный характер и будут ориентироваться не только на национальные органы власти. Представима ситуация, когда одна и та же партия участвует в выборах в разные национальные, наднациональные и экстерриториальные политические органы в разных частях мира.

Вполне вероятно, что идея экстерриториальных политических единиц будет вызывать жесткое сопротивление традиционной государственности. О возможности такого конфликта как об одном из опасных последствий развития Интернета пишет британский политик Майкл Говард — по его словам, развитие всемирной паутины порождает возможность столкновения местных сообществ с сообществами виртуальными, не привязанными к месту¹⁵.

Сегодня мы пока не видим ощутимого движения в сторону экстерриториальной государственности — наоборот, наблюдается прямо противоположный феномен «территориализации киберпространства» — так британский юрист Николас Цагориас назвал попытки территориальных государств поделить Интернет, применять к Интернету свое национальное регулирование, придать признаки территории пространству, лишенному территориальности в собственном смысле слова. На противоположном полюсе находится детерриториализация суверенитета — то есть отделения полномочий от территории¹⁶. Очевидно, что конечным итогом последнего процесса должно стать формирование экстерриториального государства.

Электронное голосование и перманентный референдум

Самое простое, что могут сделать информационные технологии для современных политических систем, — это ввести дистанционное электронное голосование. Само по

¹³ См: Hartleb F. All tomorrow's parties: The changing face of European party politics. Brussels: Centre for European Studies. 2012; Margetts H. Cyber Parties — In: Handbook of Party Politics., London: SAGE Publications Ltd, 2006. P. 528—535.

¹⁴ Сморгунов Л. В. Сетевые политические партии // Полис, 2014, № 4, с. 24.

¹⁵ Говард М. Интернет и демократия // Альтернативы, 2003, № 4, с. 125.

¹⁶ Цагориас Н. Правовой статус киберпространства // Государство и право в новой информационной реальности. М: ИНИОН РАН, 2018, с. 115.

себе это еще не меняет сущности политического процесса. Однако, как это часто бывает в истории цивилизации, технические изменения могут иметь существенные отдаленные последствия. В частности, переход процедуры голосования в цифровую среду приводит к тому, что проводить голосование можно гораздо проще, дешевле, а главное — чаще. А это означает, что такая довольно экзотическая и применяемая в большинстве стран мира крайне нерегулярно политическая форма, как референдум, обретает второе дыхание. Массовые опросы, консультации сразу с большим количеством населения и полноценные референдумы становятся возможным проводить все чаще, хотя бы каждый день, более того — возможно несколько параллельно идущих референдумов, каждый из которых проводится не в течение одного дня, а, скажем, в течение месяца или нескольких месяцев — пока нужное количество участников не выскажет свое мнение по выставленному на голосование вопросу. Референдум может «закрываться» тогда, когда число участников наконец достигнет установленной нормы. И вся система управления может приобретать характер перманентного референдума.

Важным прототипом процедур, которые будут характерны для «электронного государства», сегодня являются интернет-петиции, практикуемые во многих странах. В государстве, чья политическая система будет активно использовать возможности прямой коммуникации органов власти с населением, такие петиции вполне могут быть вариантом законодательной инициативы — разумеется, тут возникает проблема юридически корректных, приемлемых для законопроектов формулировок, но эта проблема решаема с помощью той или иной процедуры. Общий же принцип заключается в том, что любой гражданин может быть автором законодательной инициативы при условии, что его предложение наберет достаточное количество голосов поддержки.

Безусловно, система «перманентного референдума» может повлиять на бюджетный процесс — так что распределение бюджетных приоритетов будет в какой-то мере зависеть от предпочтений и голосований граждан и на массовом голосовании будет решаться вопрос о выделении дополнительного финансирования на ту или иную статью.

Можно предположить, что информационные технологии изменят такой старый демократический институт, как жюри присяжных. Например, эти изменения могут иметь следующий характер: количество присяжных резко увеличивается, жюри становится действительно массовым органом; физическое присутствие в суде и изоляция присяжного не нужны, знакомство с материалами процесса возможно дистанционно, вместо изоляции возможно введение системы контроля за тем, чтобы присяжный действительно ознакомился с материалами процесса, а кроме того, системы контроля за его жизнью — чтобы исключить подозрения в подкупе и запугивании; впрочем, сама массовость присяжных усложнит подкуп и запугивание, а кроме того, как можно надеяться, ускорит формирование жюри: отказ одного кандидата в присяжные от участия в жюри не будет ничего значить, участие в процессе не будет означать отказ от привычной среды обитания и, наконец, если количество присяжных может определяться не точной цифрой, а некоторым диапазоном, что также облегчит формирование жюри.

Референдум — это тяжелое орудие демократической политики, поскольку он предполагает участие большинства избирателей. Однако легкость связи с населением, которую потенциально могут обеспечить информационные технологии, позволят проводить опросы более легкого типа, которые требуют участие не всех избирателей, но определенных их категорий, уместных для того или иного вопроса. Может возникнуть индустрия «малых референдумов» для определенных групп населения, а также имеющих статус референдума экспертных опросов. Например, вопросы, касающиеся образования, могут требовать мнения только родителей детей школьного возраста. Можно привлекать к голосованию только людей, являющихся экспертами по определенному вопросу, или только людей, в силу жизненных обстоятельств зависящих от решения

выставленного вопроса. Можно представить себе референдум для врачей, для юристов, для больных с определенными диагнозами, для пенсионеров, для безработных, для бедных, для жителей экологически неблагополучных зон, для живущих рядом со свалками. Кстати, эта идея предполагает, что в развитии государственного права должен появиться и особый правовой статус для экспертных опросов.

Можно также себе представить ситуацию, когда никаких внешних препятствий и фильтров для участия в референдуме нет, но, с другой стороны, нет и ограничений по количеству участников референдума, и предварительно избиратель должен зарегистрироваться как интересующийся вопросами данного типа — например, вопросами спорта и желающий принимать участие в решении этих вопросов. Таким образом, «малые референдумы» будут проводиться только среди тех, кто заранее зарегистрировался как заинтересованный в участии в опросах по данной теме.

Подробно устройство государства «перманентного референдума» проработано в книге Леонида Волкова и Федора Крашенинникова «Облачная демократия»¹⁷. В ней, в частности, предлагается система, при которой, с одной стороны, граждане постоянно должны голосовать по предлагаемым вопросам, разбитым на определенные темы, но, с другой стороны, имеется возможность полностью или частично (по некоторым темам) делегировать свои полномочия по голосованию тем, кому избиратель доверяет. Таким образом, роль политиков в мире облачной демократии играют те авторитетные и популярные персоны, которые смогли убедить достаточно большое число людей делегировать им право голосования, а роль палаты депутатов играют обладатели наибольшего числа таких «доверенностей». Разумеется, имеется возможность отзыва делегированного голоса, и вообще авторы предлагают систему «подвижного доверия», когда любое должностное лицо может быть отправлено в отставку, если достаточно большое число избирателей проголосует за недоверие ему.

Очевидно, что подобная система может породить огромное количество лиц, обладающих некоторым авторитетом и некоторым политическим влиянием (в том числе и через механизм делегирования голосов), однако этих лиц будет очень много, и влияние каждого из них поэтому будет несопоставимо с влиянием современных обычных политиков — граница между традиционными политиками и сетевыми лежит примерно там же, где граница между традиционными СМИ и блогерами. СМИ представляют собой особый институт, противопоставленный пассивной читательской и зрительской массе, в то время как блогеры являются всего лишь самыми активными из пользователей соцсетей — примерно то же можно будет сказать и о политических активистах сетевой эпохи. Об этом, в частности, пишет литовский политолог Лаурас Белинис, предложивший концепцию «электронной агоры», согласно которой в условиях развитой электронной демократии политики в современном смысле исчезают, «их функции теряют смысл, вся ответственность распределяется между э-гражданами»¹⁸.

Разумеется, развитая электронная демократия предполагает, что большинство граждан обладает доступом к информационным сетям и навыками, чтобы ими пользоваться. В этой связи любопытна концепция «цифрового гражданства» или «электронного гражданства». По определению И. Л. Бачило, «электронный гражданин» — это гражданин, способный пользоваться компьютерной техникой и эффективно взаимодействовать с ее помощью с источниками информации¹⁹. Также очень важен и уместен вопрос, поставленный Майклом Говардом, — что необходимо регулирование, направленное на

¹⁷ Волков Л., Крашенинников Ф. Облачная демократия — <http://cdem.ru>.

¹⁸ Белинис Л. Электронная демократия: политика в условиях глобальной коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 4, с. 72.

¹⁹ Бачило И. Л. Правовая платформа построения электронного государства // Информационное право, 2008, № 4, с. 5.

сохранение открытого, беспрепятственного доступа к Интернету и отсутствие дискриминации в этой сфере²⁰. По сути, речь идет о важнейших политических правах человека — о праве на доступ к пользованию информационными технологиями, обеспечивающими возможность участвовать в политической жизни. А поскольку речь идет о политических правах, то встает вопрос, что пользование этими технологиями в некоем минимальном наборе должно быть субсидированным или даже бесплатным — возможно, государство будущего должно обеспечивать всем гражданам доступ в Интернет и к другим значимым информационным ресурсам, и, кстати, в 2001 году в Конституцию Греции уже было включено «право на участие в информационном обществе» — по сути, это развитие «права на доступ к информации», которое присутствует и в российской Конституции.

Прямая демократия и коллективное обсуждение

Радикальные изменения, которые информационные технологии могут привнести в политическую систему, несомненно породят конфликт с силами традиционной государственности, с политиками традиционного типа, с партийным истеблишментом и т. п., и, возможно, прав российский юрист А. А. Джигарян, предсказывающий, что развитие «киберполитики» порождает опасность конфликта институтов прямой и представительной демократии²¹.

Информационные технологии принесут в политическую систему первоначально подсобный инструмент представительной демократии, но впоследствии будут иметь более важное значение.

Традиционно считается, что прямая демократия возможна только в небольших коллективах, недаром Аристотель считал население в 1000 человек верхним пределом для хорошо управляемого полиса. Однако современные информационные технологии, обеспечивающие доступ к большому числу людей, возрождают надежды на технологизированную прямую демократию.

Камнем преткновения в данном случае служит то, что прямая демократия предполагает не только непосредственное голосование граждан, но и коллективное обсуждение политических вопросов, что крайне трудно организовать, когда число потенциальных участников обсуждения измеряется миллионами.

Тем не менее вопрос об организации таких обсуждений стоит на повестке дня, массовые сетевые обсуждения, например, вполне могут прийти на смену тому, что в современной России называется «публичными слушаниями», и стоит вполне согласиться с Лаурасом Белинисом, по словам которого электронная демократия — это не только голосование и выборы, но и «каждодневная политическая экспрессия граждан, предоставленная каждому возможность высказаться»²².

Конечно, в отличие от голосования отдельные мнения с их нюансами невозможно суммировать с помощью простых арифметических правил. Очевидно, что процедуры интеграции множества мнений — это очень сложная проблема, и предстоит потратить немало усилий для ее решения. Например: в ходе споров каким-то способом создается закрытый список альтернативных мнений по обсуждаемому вопросу, после чего все участники могут голосовать за каждый из вариантов. Возможен также вариант, ког-

²⁰ Говард М. Интернет и демократия, с. 116—119.

²¹ Джигарян А. А. Электронная демократия на местном уровне в России: конституционно-правовые проблемы // Конституционное право и политика: сборник материалов международной научной конференции. М.: Юрист, 2012, с. 615.

²² Белинис Л. Электронная демократия: политика в условиях глобальной коммуникации, с. 67.

да участвующие в дискуссии делятся на группы, после чего в каждой группе вырабатывается своя резолюция по данному вопросу.

Пока еще неизвестны возможности искусственного интеллекта, способного прочесть все высказывания и каким-то способом интегрировать их, сформулировать компромиссные или обобщающие суждения, — если такой искусственный интеллект будет возможен, он может стать важным элементом массовых публичных слушаний. В любом случае модерирование массовых дискуссий — это еще не возникшая, но уже явно требующаяся отрасль информационных технологий. Пока что отсутствие такого «искусства» не позволяет социальным сетям, аккумулирующим огромный массив дискуссий по политическим вопросам, превратиться в важного политического актора, действительно выражающего мнение своих многочисленных участников. Сегодня все знают, что в социальных сетях, вообще в Интернете, кипят политические споры, что соцсети являются местом развертывания общественного мнения — но споры и мнения представлены в соцсетях в столь хаотичном виде, что чисто технически крайне трудно использовать эти мнения для каких-то политических целей. Процедуры, приводящие к тому, что в ходе дискуссии все участники достаточно полно знакомятся с мнением друг друга и с релевантной информацией, а затем по итогам дискуссии вырабатывался бы сколько-то определенный результат — например, в виде списка самых важных мнений, рейтингованных по популярности — такие процедуры еще предстоит разработать, но потребность в них с каждым днем все больше.

С другой стороны, если методы модерирования общения множества людей будут найдены, то вопрос, быть может, встанет не только о массовом обсуждении политических проблем, но о выполнении массой избирателей определенных функций правительства методом краудсорсинга — методом «умной толпы».

Ускорение возможности коммуницировать и обсуждать различные проблемы может привести еще к одному любопытному последствию — к увеличению роли коллегиального управления (хотя слово «коллегиальное» в данном случае не самое точное). Сегодня подавляющее большинство «точек принятия решения» в административных и политических системах представляют собой должностные позиции, занимаемые руководящими персонами единолично. Подавляющее большинство решений и приказов принимаются единолично различными менеджерами. Происходит это по ряду причин, среди которых — чрезмерная громоздкость, высокая стоимость и недостаточная оперативность коллегиальных способов управления. Однако эти недостатки коллегиальности могут быть преодолены в случае разработки специальных процедур принятия коллегиальных решений с использованием современных информационных технологий. Разумеется, тут нужна не только дистанционная связь, которая позволяет обходиться без физического созыва всех членов «коллегии» за одним столом, но и тщательно продуманное модерирование, снабжение нужной информацией и учет мнений каждого участника. Поэтому речь идет не просто о коллегиальности в старом смысле слова, но о достаточно сложной и автоматизированной процедуре интеграции мнений и их конвертации в единое решение.

Подводя итоги

Иерархические системы, лежащие в основе устройства современного государства, во многом возникли как средства решения двух проблем — пространственной удаленности и недостаточной информационной мощности управленческих инстанций. Власть должна присутствовать достаточно близко к управляемым объектам, и у любой властной инстанции не может быть слишком много адресатов, с которыми она коммуницирует, включая и подчиненные звенья.

Развитие информационных технологий способствует устранению обеих этих проблем. Чем дальше, тем больше исчезают прежние основания для территориальной привязки власти, а также для наличия большого числа промежуточных иерархических звеньев. Важнейший политический эффект современных информационных технологий — они дают возможность непосредственной, быстрой и дешевой связи любой политической инстанции с огромным количеством граждан (или любых других значимых единиц) — причем напрямую и без посредников. Однако это лишь техническая возможность, одной которой недостаточно для реформирования политических систем. Политикой тактически правят интересы, а не инженерные решения. Однако надо помнить, что использование возможностей политического реформирования, которые таятся в информационных технологиях, будет способствовать и росту политических свобод, и большему участию населения в принятии решений. Да, информационные технологии могут служить автократии как инструменты слежки за населением — но они могут быть и инструментами политического прогресса.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Проблемы, сопровождающие зарождение и развитие экстерриториальных государств, если таковым вообще суждено состояться, необозримы и в значительной степени непредсказуемы, — если уж до сих пор нет общепринятой теории происхождения традиционных государств. Нет сомнения, что их зарождения и развития требовали нужды экономики и безопасности, но Кант, например, считал, что государства как некоей высшей инстанции требует человеческий разум, а взгляд на государство как на средство удовлетворения психологических, экзистенциальных потребностей еще ждет своей разработки. Издревле главным средством экзистенциальной защиты, защиты человека от осознания собственной малости и незащищенности в безбрежной и безжалостной вселенной служила религия. С ослаблением религиозной веры ее миссию в какой-то степени взяла на себя национальная мифология, требующая для своего комфортабельного существования суверенного национального государства. В сегодняшнем мире практически лишь национальные государства способны осуществлять программы, требующие объединенных усилий нескольких поколений, а возможность участвовать в каком-то деле, продолжающемся за пределами нашей жизни, для безрелигиозного сознания является важным суррогатом посмертного существования. И какой мифологией, каким «общим делом» для экзистенциальной защиты своих граждан способны вооружиться экстерриториальные государства, — это вопрос, над которым пока что мало кто размышлял. Похоже, что единственным экстерриториальным сообществом, обладающим собственной миссией и собственным пантеоном героев и святых, на сегодняшний день является научное сообщество. Отчасти, возможно, и спортивное. Не исключено, что своя наднациональная мифология имеется и у международной бизнес-элиты, но здесь мы располагаем лишь слухами и домыслами.

Хотелось бы, чтобы наши мыслящие авторы и читатели задумались над этим вопросом: насколько возможны экстерриториальные государства и какие мифологические образы прошлого и будущего они способны создать или мобилизовать для единения и экзистенциальной защиты своих сограждан?

Александр МЕЛИХОВ